

28 АПР 39 К

Ашхабад Газета №

К ЮБИЛЕЮ ТЕАТРА имени СТАЛИНА

ДЕТИЩЕ ЛЕНИНСКО - СТАЛИНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Наш театр поэтичен и полностью создан в советской Туркмении, он — детище ленинско-сталинской национальной политики.

Старая Туркмения, столетиями под двойным гнетом — байско-феодалов, строя и колониаторской политики царизма, раздираемая кровавой междоусобицей, не знала ничего, что хотя бы напоминало театр. Она не знала даже плясок. До сих пор еще нет у нас народного танца. Ес песни, ес музыка в широким — это робкая жалоба и слезы, безысходная тоска, жутко гармонированная с суровостью и безрадостностью природных условий — неск. голые горы, безводье, в которых выжило свою жизнь огромное большинство туркменского народа.

Безусловно сказать, чтобы туркменский народ в прошлом совсем не знал массовых игр и праздников, из которых у других народов развивалось с течением времени театральное искусство. Но что это были за «игры» и «праздники»? Обычно они происходили на больших толях — просторных, проводимых баями и феодалами — ханами по поводу каки-либо семейных праздников или военных удач. Свадьба, рождение сына, возвращение из кровавого набега отмечались конскими скачками, боем перлюнов, дракой собак, борьбой. Эти игрыща собирав народ. Обычно они разигрывались представителями разных племен или родов и заканчивались кровавыми попойками. Не вesoле в радости, а учение и смерть приносил оян с собой.

Верные слуги феодалов и баяв — муш-

АМАН КУЛЬМАМЕДОВ,
заслуженный артист республики.

мы и ишаны, указывали только один «путь» к радостной жизни — «на том свете». «Чем мрачнее и тяжелее здесь — тем светлее и счастливее там...» Так подзадоривая всякую попытку проявления радости и веселья. Поэтому, тоскливые даже любовные песни старых народных певцов, поэтому такое широкое распространение в народе получили грустные стихи и песни донции прошлого — Махтум Кули, Зокиа, Сеиди и т. д. И несмотря на этот железный гнет проявлялся протест, раздвигалась грудная клетка, веселое слово, зловещий смех, — они в течение столетий не находили откликни, проявлялись в особом фольклоре. Таковы были и рассказы Бояина, острой измешкой изображавшего ишанов, баяв и муш. Таковы легендарные Кель и Каск, шутки и сказки которых народ с восхищением о них самих живут в народе до сих пор.

Едва ли можно назвать предшественниками нашего театра и своеобразных туркменских народных шутко-коморохов: маскарабасов. Это обычно прыжки, бродячие актеры, ховившие иногда с собакой (или с обезьянкой). Маскарабасы выжили смея и презрение. Они были погребены среди измученных их жизни.

Нет, не отсюда родился туркменский театр, не этики соками питаются он в

младенчестве, не здесь он ищет и оттачивает свое зрелищное мастерство.

Нечего и говорить о том, что в период колониального закабаления туркменского народа царизмом, пылавых куз турных сдвигов в жизни туркменского народа не было и не могло быть. Превосходный колониаторский русский театр этой роли, поистине, не играл. О знакомстве с ним туркменского народа не могло быть и мысли.

Первая туркменская пьеса, написанная туркменом, была развратная туркменско-рабочими на сцене рыночного кабана в Кызыл-Арвате в 1924 году и изображала владыку Кызыл-Арвата чинасти Власов Арипи, освободивший Туркмению от последней колониаторской буржуазии — меньшевиков и их подопытных, интервентов. Этот момент и можно считать зародком туркменского национального театра и драматургии.

Но непосредственными предшественниками театра все же явились самодельный колхозный, созданный в мае 1925 года в Ашхабадской партийной школе. В него вошло 14—15 комсомольцев-туркмен. Девушек не было, женские роли исполнял Мурад Казакон (последней актер этого театра, умерший в 1930 году). В 1926 году Наркомпросом из состава этого кружка организован республиканский драматический студия, и который вошло еще пять ребят из местного техникума. Женщины в студии сначала также не было. Свообразные условные замещения в ролях туркменского театра становились понятными, если учесть, что и в дальнейшем пополнение женского состава студии долгое время шло

исключительно за счет жен студийцев, которые привозили их из аулов. Это были первоначальные кадры женщин в нашем театре. Свои первые репетиции они проводили в национальных женских уборках — борылах и под яптяком. *) Надо сказать, что сцена обилась им не дешево, так как в аулах, да и в городах того времени, тактико держалась взгляд на женщину, играющую на сцене, как на нарушительницу обычая. От нее нередко отказывались родители и братья, отец готов был убить ее.

Поэтому преодоление старых предрассудков, усиленно раздувавшихся националистами, студии пришлось выдержать борьбу и с великодержавными шовинистами. Долгое время они упорно распространяли взгляд, что туркмены по своему складу к театру «не приспособлены», что «ничего не выйдет» и надо, мол, студию распускать.

Эти вражеские попытки с помощью партии были успешно преодолены. 13 мая 1929 года студия успешно окончила 24 человека. Это и были основные кадры нашего театра, организованного в том же году.

Но меньшие трудности пришлось преодолеть театру в борьбе за своего зрителя. Эту борьбу характеризуют интересные факты. Выхаживая для привлекания зрителей мы давали задания каждому актеру привести на спектакль 5—10 человек своих знакомых и товарищей и горой шли из окрестных аулов. Это приводило иногда к трагикомичным возмущениям. На один из первых спектаклей, таким образом, была привлечена на группа скотоводов, впервые шехавших в город из песков. Когда по ходу спектакля на сцене появилась стрельба, люди стали с криком ринуться на зал.

Проститую роль в привлечении зрите-

ля сыграл созданный нами кукольный театр, который мы послали по аулам с агитационными письмами. Сейчас кукольный театр существует самостоятельно и пользуется огромной популярностью как среди детей, так и среди взрослых в колхозах.

Окончательную сычку со зрителем мы установили в период организации колхозов, когда в течение 5 месяцев были в агитационной поездке. С семи часов утра мы привозились и, разбиваясь по бригадам, в перерывах в работе выступали до самого вечера, так и не снимая грима. Мы бывали и на больших агитационных стройках (Карабейкауский канал). Дайхане располагались на отдух, тили чай, а мы записывали какие-нибудь воынешние (бутор или дабу) и развивали «играть»... Немало незабываемых впечатлений оставили эти поездки и у нас и у наших зрителей. Были случаи и бойкой контратантизма, которые, особенно в тот период, не сулили нам ничего хорошего.

Затем наступило время более трудной и творческой работы. После 1930 года наш театр в Туркмении уже не был единственным в своем роде. Появился кукольный театр на базе нашего театра был создан филария, а затем и самостоятельный колхозный театр. С нашей помощью организовались театры в самых отдаленных округах Туркмении — Ташаузе, Керки, Нардаузе, Мары, Кара-Богат-Голе. Был создан музыкальный техникум.

В настоящее время ведет свою работу уже 4-я драматическая студия. Все шире развивается и кружковая работа на предприятиях и в колхозах. Большую роль играют и лей выписки-студийцы.

На этой базе начался быстрый качественный рост туркменского актера и театра в целом. В числе наших ведущих актеров в первую очередь надо отметить товарищей, прошедших весь очный

путь — от кружка при партколле до настоящего дня. Это т. т. Страй Муратова, Клыч Бердыев, Базар Аманов, Хереев, Ата Дурдыев, Курбанов, Бердыев К., Дурдыев, Союнова, Клясов, Черкенов М., Аман Дурдыев, Туркменбаев, Довлетов Ата, Шихлиев, Сары Карыев, Шахмуратова, Казакон Б., Севтиялов, Сома Муратова и Тамара.

Появляю, что если театр родился всего 10 лет назад, то о туркменской драматургии можно сказать, что она еще издалека пришла. Именно театр и привнес ее к жизни. В настоящее время мы имеем три туркменских пьесы: «Джуш» (Ата Багшутур), «1916 год» (Атлы Кариев), «Фехре и Тахир» (Базар Аманов). Но основными в репертуаре являются первоначальные пьесы — советские и классические — всего 60 пьес. В том числе — «Янтек», «Решитор», «Слуга двух господ», «Разбойники», «1905 год», «Невеста огня» (Джаббаров), «Бахчисарайский фонтан», «Гибель искателя», «Платон Кречет», «Любовь Ивана», «Лауреатия» и др. Надо сказать, что с переводом мы переживали дополнительные затруднения из-за неважно дифференцированных переводчиков, пока не привлекли к этому делу писателей (К. Бурганов).

В числе наших трудностей была частая смена режиссеров. В последние годы поставлена работа по подготовке режиссеров из туркменских актеров. Режиссеры т. т. Клыч Бердыев, Базар Аманов, Курбанов уже стали писателями, пробыли свои силы молодой режиссер тов. Хериев.

Теперь наш театр — уже далеко не последний в Туркмении. Он занял твердое место в системе воспитания нового человека и крепко связан с жизнью туркменского народа. Своим дальнейшей работой мы оправдываем великую роль вождя народов товарища Сталина, который с бесконечной любовью досит наш театр.

*) Борык — высокий тяжелый головной убор, яптяк — платок, закрывающий нижнюю часть лица. Эти уборы требовали шитья.